

Алии и тулафале

ЕВА ВОЛЯК

В ХИЖИНЕ на берегу моря сидит мужчина. Жесткая ткань в коричнево-черных узорах обвивает его бедра, на шее яркий венчик из зерен пандана. Грузный и важный, он сидит неподвижно, скрестив ноги. Только руки размеренно ходят вдоль бедра: от колена вверх, вниз и снова вверх... Кокосовое волокно под его ладонью свивается в толстый жгут. Лишь до такого занятия может снизойти матаи. Одного взгляда достаточно, чтобы понять: это важная персона. Его тучность, красивая одежда и полная достоинства праздность выдают в нем вождя рода. Но узнать матаи в случайно встреченном на улице мужчине мне было нелегко.

— Откуда ты знаешь, кто он, если не видела его раньше? — спросила я симпатичную самоанку Сулу, которая показала мне на Прибрежной улице высокого седоватого мужчину.

— Но ведь он выглядит как матаи.

Я смотрела на проходящих мимо людей. Похожие лица, размеренный шаг, разноцветные набедренные повязки, цветы в волосах... — Не вижу разницы.

Сулу беспомощно развела руками.

— Так просто не объяснишь, но это сразу бросается в глаза: и гордое выражение лица, и та особенная поступь, когда подошвы ног осторожно касаются каменной мостовой, словно осознавая, что несут нечто большее, чем тяжесть осанистого тела. Со временем ты сама все поймешь.

Сулу оказалась права. Со временем я научилась выделять в толпе фигуры вождей, узнавая их не только по церемониальной одежде и символам власти, но и по тому, что они своей тучностью значительно превосходят остальных самоанцев. Научилась разговаривать с матаи приглушенным голосом, соблюдая весь ритуал обращения к ним. До конца понять, кто они такие и какова их роль в самоанском обществе, помог мне один знакомый матаи.

— Матаи — это своего рода выборный аристократ большего или меньшего ранга в традиционной иерархии общества. Он — глава семьи, ее мозг, ее совесть.

«...И утроба», — мелькнула злая мысль, так как обычан Самоа мне уже были известны.

Все нетитулованные члены семьи находятся в подчинении у вождя. Он, со своей стороны, заботится о них, управляет землей и имуществом семейной общины, следит за справедливым распределением урожая и представляет свой род в области «внешних сношений», на официальных торжествах, стремится, чтобы семью — в его лице — уважали. Это дело престижа, и понятно каждому самоанцу.

Уважение, которое оказывают матаи, а следовательно, и всей общине, измеряется, помимо всего прочего, количеством и качеством подношений, получаемых во время церемониальных торжеств, очередностью выступлений вождей, местом, которое он занимает в доме совета и т. д., и т. п.

Самоанская семья (аинга) насчитывает от нескольких человек до нескольких десятков или даже сотен членов. Не все они связаны узами кровного родства. Иные либо породнились с аингой, либо были усыновлены.

— Каждая семья имеет только одного матаи?

— О нет, некоторые семьи — несколько. Матаи бывают высшего или низшего ранга и имеют титул алии (вождя) или вождя-оратора. Разумеется, обладатель менее важного титула занимает подчиненное положение по отношению к матаи более высокого ранга. Самые привилегированные матаи — так называемые королевские сыновья — ведут свою родословную от великих самоанских родов, происходящих от самой богини войны Нафануа. Вожди делятся на великих вождей, просто вождей и так называемых вождей, сидящих между подпорками. Последние — самого низкого ранга, у которых в доме совета нет даже собственного столба-подпорки, о который они могли бы опереться.

— А вожди-ораторы?

— Вожди-ораторы, по-самоански тулафале, точно так же подразделяются на великих тулафале, ступни великих тулафале...

— И пальцы ног великих тулафале?

— Нет, ораторы сидят между подпорками. Титул вождя-оратора не столь почетен, как титул вождя.

— Раз уж я все узнала о столбах и ступнях, скажи мне, в чем различие между вождями и вождями-ораторами? Ведь и те и другие — матаи!

— Это как премьер-министр и глава государства. У первого в руках фактически сосредоточена вся исполнительная власть, а второй — обладатель высокого звания. Его власть скорее номинальная. Тулафале — это посредники между вождями и аингой или деревней. Они ставят на обсуждение жалобы и пожелания общины, издают приказы, следят за их исполнением, выносят приговор.

Взаимоотношения матаи с окружающими регулируются строго соблюдаемым этикетом, определяющим их поведение в той или иной жизненной ситуации. В основном это касается королевских сыновей и великих вождей. Они, наверное, в еще большей степени жертвы навязанных им форм поведения, чем члены царствующих домов Европы.

Для матаи высшего ранга самое простое дело перерастает в проблему. Например, как его разбудить? Единственный возможный способ прервать сон спящего вождя — это... осторожно пощекотать ему пятки. Если это не даст результата (кожа на ногах у вельможи, привыкшего ходить босиком, обычно толстая и зароговевшая), можно легонько похлопать его по колену. И все. Колени и подошвы ног — единственные части тела, которых можно касаться, не оскорбив достоинства вождя. Трясти за плечо, звать по имени было бы величайшим оскорблением. Дождавшись, когда матаи изволит проснуться, следует приблизиться к нему в низком поклоне и почтительным жестом коснуться колена высокой особы.

Еще сложный ритуал подачи обеда. В соответствии с этикетом стол сервирует молодой миловидный юноша. На нем чистая набедренная повязка. Шею и запястья украшают венки из цветов или из листьев банана. Обычно ему помогает таупоу — так называемая деревенская княжна или жена вождя. Блюда появляются на циновке в строго определенной очередности. При этом подающий приседает на вывернутых ногах и в почтительном молчании ждет, когда

матаи закончит трапезу. Только после этого еда подается вождю-оратору и остальным членам семьи в соответствии с занимаемым в ней положением. Обычно тулафале, как правая рука вождя, удостоивается чести доесть остатки его обеда. Если вождь-оратор по какой-либо причине отсутствует, эта часть переходит жене матаи или другим членам рода.

Зато во время официальных приемов достойнейший из достойных решительно обижен. В присутствии посторонних он должен быть сдержан в еде и питье. Из поданных деликатесов ему разрешается откусывать только самую малость. Остальное передается тулафале, который ест, сколько хочет. Вообще вождь-оратор пользуется большими возможностями, несмотря на то, что он, в сущности, призван служить матаи. Тулафале может даже распоряжаться личной собственностью вождя.

— Мне понравилась тонганская циновка, что лежит в твоём сундуке, — скажет тулафале, и никто не посмеет ему отказать. В отсутствие вождя он может забрать ее, и ему не нужно будет оправдываться.

Иногда тулафале используют язык символов.

— Возьми мой фуэ (бич — символ вождя-оратора) и положи его на видном месте в доме вождя, — говорит он посыльному, давая понять хозяину, что собирается завтра нанести визит и ждет достойного угощения.

Тулафале обладают традиционным правом вмешиваться в личную жизнь своих вождей. В старину дело доходило до того, что они выбирали им жен, принимали решение о разводе и новом браке.

— По нашему решению для благополучия рода ты должен отослать свою жену Ваэтоэ в ее семью и жениться на Сокаэ, которая принесет тебе титул тунатуа (вождя округа Атуа), — сказал как-то много лет назад тулафале Алипия великому вождю Тамалеланги. Тамалеланги заупрямился и... вскоре умер при загадочных обстоятельствах. Можно отыскать множество ледящих кровь примеров в истории Самоа, когда сопротивление воле вождей-ораторов приводило к внезапной смерти матаи. Сколько в этих рассказах правды — трудно сказать. Бесспорно то, что решающий голос при присвоении наиболее почетных титулов принадлежит традиционному совету вождей-ораторов заинтересованных родов. Таким образом они подбирают преданных им людей. Очень редко на протяжении всей истории Самоа какому-либо вождю удавалось выбрать себе преемника помимо их воли.

С приближением смерти великого матаи в его хижине собираются старейшины деревни: вожди, тулафале... Достойнейшие из вождей-ораторов в преисполненной уважения речи говорят о заслугах умирающего. Но прежде чем померкнет яркая звезда, пусть присутствующие подумают о кандидатуре преемника. Великий вождь использует свою последнюю возможность. Если ему хватает сил, он произносит речь и называет имя наследника. Если же силы на исходе, бросает на пол белый бич и произносит только имя... Этот будет первым среди вас!

Так он мог сделать своим преемником сына или любимого родственника. И кандидатура великого вождя обычно утверждалась, если и не из уважения к умершему, то из страха перед... мезью его могущественного духа.

В наши дни решение вождя можно обжаловать в суде, который рассмотрит права всех возможных претендентов, так как во второй половине XX века никто уже не боится мести из потустороннего мира.

А тулафале? Вожди-ораторы по-прежнему имеют решающий голос в больших и малых, будничных и праздничных делах общины. Они докладывают матаи о жалобах и нуждах жителей деревни, поощряют послушных, порицают ленивых, наказывают провинившихся. В последнем случае государственные суды немного урезали их полномочия. Тем не менее тулафале любят самостоятельно проводить следствие в мелких делах без дорогой и хлопотной судебной процедуры.

Один из способов наказания виновного, доживший до наших дней, называется усутаяи. Само название говорит за себя: «усу» — идти ранним утром, «таяи» — все. На рассвете все жители деревни во главе с вождями и тулафале направляются к дому правонарушителя и требуют у него угощения. Они не уйдут до тех пор, пока не съедят последнего барана и последнюю курицу, не уничтожат все припасы, припрятанные на черный день. Можно ждать благополучного исхода, если несчастный не вздумает защищать свою кладовую. В таком случае разгневанные ораторы могут приказывать перебить весь домашний скот, разорить поле, сжечь дом и изгнать преступника из родной деревни.

— Раньше в ходу были утонченные и жестокие наказания, которыми, разумеется, подвергались самые злостные преступники, — рассказывал мне один мой знакомый-матаи. — Одна из самых изощренных казней состояла в том, что осужденного связывали по рукам и ногам и бросали

в хлев к свиньям, где несчастный должен был до конца жизни бороться с животными за каждый кусок, за каждый глоток воды.

Не менее жестоким был приговор, принуждавший преступника жевать стебли или корень теве — растения с отвратительным запахом и вкусом, сок которого вызывает ожоги губ, языка и пищевода, что обычно приводит к смерти.

В наше время смертная казнь применяется на Самоа редко и только по решению государственного суда. Единственное преступление, за которое обвиняемый платит головой, — это убийство. А самоанцы, при всей своей безмятежности и мягкости характера, вспыльчивы, особенно, когда наносится ущерб их достоинству. Но убийства с корыстной целью на Самоа никогда не бывало.

При всем своем горячем темпераменте и чрезмерном чувстве собственного достоинства, жители островов не отличаются ни упрямством, ни мстительностью. Каждый преступник может избежать наказания, скрывшись в лесу. После того как страсти улягутся, он должен пройти традиционный ритуал смирения.

Этот древний обычай называется ифонга. Правонарушитель вместе с патрициями своего рода приходит рано утром к дому пострадавшего. Они приносят с собой красивые тонганские циновки, ткани и еду. Иногда на траве раскладываются куски дерева и хворост, что означает желание любой ценой искупить вину: можете убить нас и зажарить, как свиней, если только пожелаете. Виновные театрально рассаживаются на траве. Почерневшие лица, согнутые спины, низко опущенные головы... Живое воплощение раскаяния и покорности!

Тем временем жизнь в доме идет своим чередом. Обитатели встают, одеваются, едят, как ни в чем не бывало хлопчут по хозяйству, словно печальные фигуры кающихся грешников и горы подарков на лужайке скрыты под шапкой-невидимкой. А грешники ждут. Солнце поднимается все выше и выше, изливая жаркие лучи на обнаженные головы. Люди сидят на шелохнувшись. Начинается дождь, с моря дует пронизывающий ветер — они даже не вздрогнут. В конце концов милосердие и интерес к подаркам оказываются сильнее, и из дома дают знать, что кающихся заметили, все оценили и простили. Наступает «хэппи энд» в самоанском варианте — праздник фиа-фиа с танцами, песнями и пиршеством за счет семьи провинившегося.

Перевел с польского
В. Андрушов